

территорий России и сопредельных стран в XIX в. важнейшую роль играли учреждения Военного ведомства, а также их представители (офицеры-квартирмейстеры и колонновожатые, офицеры Генерального штаба, военные геодезисты и топографы). Деятельность Военного ведомства имела большое значение для изучения местности и населения Российской империи.

Картографирование такой необъятной страны, как Россия, обладавшей огромным многообразием природных условий и обширными, почти неосвоенными пространствами, оказалось в начале XIX в. сложной задачей. В это время даже европейская часть страны не имела единой топографической карты масштаба крупнее 20 верст в дюйме. В то же время крупномасштабные карты были необходимы как военному, так и гражданским ведомствам.

Действовавшие с 1812 г. Военно-топографическое депо и учрежденный в 1822 г. Корпус топографов, как соответственно административно-управленческое и исполнительское звенья единой организации (Военно-топографической службы русской армии), занимавшиеся картографированием различных территорий в военно-государственных интересах, в совокупности с научными достижениями в области астрономии, геодезии, топографии и картографии на то время, позволяют считать военную картографию полноправной научной дисциплиной, важнейшей составляющей общегосударственной картографии.

Источники и литература

1. *Глиноецкий Н.П.* История русского Генерального штаба. – СПб., 1883. Т. 1. – 427 с.
2. *Кабузан В.М., Постников А.В.* Из истории отечественной картографии XIX века // Геодезия и картография. 1976. № 1. С. 67.
3. РГВИА. Ф. 14414. Оп. 2. Д. 89. Л. 255–257.
4. РГВИА. Ф. 846. Оп. 1. Д. 20089. Л. 46.
5. *Кабузан В.М., Постников А.В.* Указ. соч. С. 68.
6. РГВИА. Ф. 846. Оп. 1. Д. 20090. Л. 42.
7. *Кабузан В.М., Постников А.В.* Указ. соч. С. 70.
8. *Новокишанова З.К.* Федор Федорович Шуберт – военный геодезист. – М.: Геодезист, 1958. – 80 с.
9. *Новокишанова З.К.* Указ. соч.
10. Столетие военного министерства. Главный штаб. Исторический очерк возникновения и развития в России Генерального штаба в 1825–1902 гг. – СПб., 1910. Т. 4. – 153 с.
11. *Шостын Н.А.* Михаил Павлович Вронченко: военный геодезист и географ. – М.: Геодезиздат, 1956. – 88 с.

Сведения об авторе: Прохин Сергей Сергеевич, ИИЕТ РАН, аспирант.

Может ли территориальная геральдика Московского царства служить источником по зоогеографии?

Е.В. Пчелов

Территориальная и городская геральдика Российской империи XVIII – начала XX в. представляет собой интересный источник по биоразнообразию и географии страны этого времени. Собственно, это обуславливалось самим принципом создания городских гербов, сформулированным в екатерининскую эпоху – отражать природные особенности и

хозяйственные занятия местных жителей [1]. Как же обстояло дело в эпоху Московского царства, когда возникли и сформировались первые земельные гербы России, визуально представлявшие объектный титул русских государей? Насколько для гербов этого периода мог быть характерен тот же принцип? Попытаемся ответить на этот вопрос.

Впервые территориальные эмблемы зафиксированы на Большой печати Ивана Грозного, созданной в конце 1570-х гг. На ней представлены 24 «печати», из которых в 15 изображались разного рода животные (еще 4 печати являлись прямым заимствованием из геральдики западных стран, на 4 изображались различные предметы, а одна имела в качестве символа фантастическое существо). В историографии предпринимались неудачные попытки сопоставить этих животных с бестиарными символами традиции «Физиолога» и библейских текстов (Псалтири) [2, с. 159–167], но, прежде чем рассуждать о семантике этих животных образов, необходимо понять, какие именно животные представлены на данных печатях. Исходя из самих изображений, сделать это весьма непросто, хотя такие попытки также предпринимались в историографии [3]. В то же время в ряде случаев изображения вполне очевидны (в их идентификации может помочь и изображение лицевой стороны грозненской печати на миланском доспехе Лжедмитрия I). Так, вполне точно определяются: белка в Югорской эмблеме, олень – в Нижегородской, и лошадь (конь) – в Рязанской.

Некоторые из животных определяются по описаниям, причем, в большинстве случаев более поздним (сохранились росписи печатям 1626, 1656–1665 гг., память о создании Гербового знамени 1665 г. и т. н. «Описание гербам» конца XVII в. [4–7]) и охватывающим далеко не все титульные эмблемы. Разумеется, это возможно лишь в тех случаях, когда первоначальные изображения на печатях/гербах сохранились (некоторые из них менялись, причем, порой кардинально).

Так, на Новгородской печати, согласно ее описанию 1565 г., изображались: «место, а на месте посох, а у места с сторону медведь, а з другую сторону рысь, а под местом рыба» (под «местом» подразумевалось ступенчатое возвышение) [8, с. 398]. В росписи 1626 г. изображение на печати описывалось так: «Место, а на месте посох, около места по сторонам по медведю стоячему, в выспеде под местом земля, под землею озеро, а на озере две рыбы». В росписи 1656–1665 гг.: «Место, а на месте посох, а под местом озеро да три рыбки». В памяти о создании Гербового знамени 1665 г.: «Престол, на нем посох; на престоле четыре степени, под престолом две рыбы лодоги; престол держат два медведя». В «Описании гербам»: «...два медведя, две рыбы». Итак, на Новгородской печати первоначально были медведь и рысь, потом рысь при Михаиле Федоровиче трансформировалась во второго медведя, а рыбы при Алексее Михайловиче определялись как лодоги.

На Псковской печати по росписям 1626 и 1656–1665 гг. изображался барс (т. е. леопард). В памяти 1665 г. зверь назван «рысью бежащей». Согласно «Описанию гербам», это также рысь. В «Титулярнике» 1672 г., как и на других памятниках, образительно это, скорее, барс. Барс – фантазийное животное для Пскова, рысь – более естественное. Видимо, пятнистая шкура зверя со временем привела к наименованию барса рысью.

На Тверской печати у Ивана Грозного представлен медведь, но на самом деле это изображение предназначалось для печати Смоленской и являлось заимствованием из геральдики Литвы. Затем, при Михаиле Федоровиче оно стало эмблемой печати Пермской. Описание было стандартным: медведь «ходячей», медведь «идущей». В «Описании гербам» – «медведь белой», т. е. серебряный (так передавался геральдический металл).

На Болгарской печати хищный зверь не идентифицируется, но, согласно памяти 1665 г., это «барс идущей». В «Описании гербам» он фигурирует как агнец с прапором (известная в европейской символике гербовая фигура). В «Титулярнике» изображен какой-то хищный

зверь со знаменем. Ясно, что в любом случае это фантазийное животное для данного региона (земли прежней Волжской Болгарии).

На Нижегородской печати времен Ивана Грозного изображен олень, так же он назван и в росписи 1626 г., а в памяти 1665 г. – «лось ступает». В «Описании гербам» – вновь «елень», а в «Титулярнике» 1672 г. нарисован скорее лось. Здесь мы сталкиваемся с инверсией оленя и лося при определении зверя.

На Белозерской печати времен Ивана Грозного – рыба. В конце XVII в. этих рыб стало две, но они не идентифицируются, хотя понятно, что символизируют Белое озеро (даже изображенное в «Титулярнике» визуально).

На Удорской и Обдорской печатях звери практически идентичны. В «Описании гербам» они названы лисицами, также они представлены и в «Титулярнике».

Остальные звери не поддаются точной идентификации. На Астраханской печати помещен хищный зверь в короне – возможно, волк. На Пермской (в ее первоначальном варианте) – также хищный зверь, похожий на волка. На Ростовской – ловчая хищная птица (по Г.И. Королеву, кречет). На Ярославской – рыба (по Г.И. Королеву, белуга), ясно символизирующая Волгу. На Кондинской – копытное животное с рогами (по Г.И. Королеву, косуля). Позднее изображенные на всех этих печатях изменились.

В XVII в. появилось еще несколько территориальных гербов с животными. Так, на Сибирской печати при Михаиле Федоровиче изображался кедр со стоящими по сторонам его соболями (эти соболи сохранились и в дальнейшем). На Ростовской печати со времен Михаила Федоровича помещался олень (только в «Описании гербам» он назван лосем). В «Титулярнике» Ярославским гербом стал медведь (с протазаном) – фигура явно геральдическая и, возможно, восходящая к западноевропейской геральдике (позднее возникла легенда о Ярославе Мудром, объясняющая этот герб).

Как уже говорилось, делались попытки символической интерпретации всех этих животных образов, но помимо своей очевидной необъяснимости, они не объясняют, почему те или иные животные символизировали те или иные конкретные земли. Ближе к истине версия Г.И. Королева о том, что эти животные означали природные или промысловые особенности определенных территорий [3].

Это предположение, в частности, подтверждается изображениями рыб, символизирующих Белое озеро в Белозерской эмблеме, Волгу – в Ярославской и Волхов – в Новгородской (возможно, на это указывает и расположение рыб навстречу друг другу, означающее особенности течения самой реки). Неожиданное подтверждение находится и в «Повести о Ерше Ершовиче, сыне Щетинникове» (кон. XVI – 1-я пол. XVII в.), а затем в аналогичной сказке, где лодуга, живущая в Волхове, упоминается в качестве рыбного символа Новгородского уезда. Там же фигурирует и белуга ярославская, что подтверждает атрибуцию Г.И. Королева.

Югорская белка, удорская и обдорская лисицы явно символизируют местные охотничьи промыслы. Неслучайно, и смоленский медведь был усвоен Пермской земле. Появление коня на Рязанской печати может объясняться лошадиными ярмарками, позднее отразившимися в более позднем гербе города Данкова Рязанской губ.: «в зеленом поле стоящая серебряная лошадь, означающая, что этот город лошадиными ярмарками знаменит».

Новгородские медведь и рысь в историографии объяснялись заимствованием из шведской геральдики, но эта символика со временем забылась, и появились два медведя, характерные для северных, лесистых местностей. Возможно, ту же семантику имела и ярославская гербовая эмблема. Требуется объяснения появление нижегородского и ростовского оленей (лосей), но они выглядят вполне соотносимо с природной реальностью.

Итак, в территориальных гербах Московского царства присутствовала сильная природная составляющая. Она заметна и на других территориальных (городских) печатях той эпохи, в том числе сибирских городов и острогов, печатях Терского города с изображением сайгака и Уфы с изображением куницы. В этом отношении городская геральдика Российской империи продолжала старинную отечественную традицию.

Источники и литература

1. Пчелов Е.В. Отражение биоразнообразия Российской империи в городской геральдике XVIII–XIX вв. // Проблемы экологической истории / истории окружающей среды: Сб. статей. Вып. II / Сост. и отв. ред. В.И. Дурновцев. – М., 2020. – С. 32–47.
2. Соболева Н.А. Российская городская и областная геральдика XVIII–XIX вв. М., 1981.
3. Королев Г.И. Большая государственная печать Ивана Грозного. Рукопись статьи. Архив автора.
4. Пчелов Е.В. «Роспись всем государевым печатям» 1626 г. и титульная геральдика Московского царства // Нумизматические чтения Государственного Исторического музея 2018 года: Материалы докладов и сообщений. – М., 2018. – С. 192–195.
5. Пчелов Е.В. «Описание печатей Алексея Михайловича» и титульная геральдика Московского царства // Нумизматические чтения Государственного Исторического музея 2019 года: Материалы докладов и сообщений. – М., 2019. – С. 190–194.
6. Гербовое знамя царя Алексея Михайловича // Голованова М.П. Знамена второй половины XVI – XX века. – М., 2019. Т. 1. – С. 74–78.
7. Белоброва О.А. О древнерусском «Описании гербам» конца XVII в. // Гербовед. – М., 2005. № 85. – С. 81–96.
8. Никоновская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 13. – СПб., 1904.

Сведения об авторе: Пчелов Евгений Владимирович, ИИЕТ РАН, ведущий научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Прижизненные издания М.В. Ломоносова на современном антикварном рынке

А.Ю. Самарин

Великий русский ученый, академик Михаил Васильевич Ломоносов (1711–1765) был одним из самых издаваемых авторов своего времени. Его прижизненные издания давно рассматриваются как книжные памятники, объект специального выявления и описания в библиотеках, музеях и других государственных книгохранилищах [см.: 1; 2, с. 118–141; 3; 4].

Обращение к интернет-порталу Vidspirit, на котором проводятся десятки антикварных аукционов и хранятся их цифровые архивы, позволяет представить себе масштабы оборота книжного наследия М.В. Ломоносова на рынке в последние годы. Речь пойдет об оригинальных трудах ученого на русском языке, выпущенных при его жизни.

Реже всего в продаже встречаются литературные произведения М.В. Ломоносова. Так, на аукционе «Литфонд», проводившемся 18 мая 2016 г., был представлен экземпляр трагедии «Тамира и Селим» (СПб., 1750) во владельческом полукожаном переплете XIX в. Никаких других его особенностей указано в описании не было. При стартовой цене в 280–300 тыс. руб. он был продан за 550 тыс. руб.